

С. А. Кибальник

ГОРОД БЕЗ ПРАВЕДНИКА

Памяти Константина Кузьмича Логинова

1

Говорят: нет пророка в своем отечестве. В смысле у себя дома, в своей стране, его за такового не признают. А в чужом отечестве он есть, что ли? Признают его? Кажется, уже нигде нет.

Может, тогда праведники есть? Распознают их промеж людей?

Говорят: не стоит село без праведника. А я вот думаю: а город? страна?

Когда некоторые люди уходят, а потом случается что-то ужасное, то думаешь: вот был бы этот человек жив, разве б могло такое случиться?..

И не то что он протестовал бы. Просто не случилось бы ничего такого, и всё.

А еще: почему люди промеж собой праведников не замечают? Потому что думают: они безгрешными быть должны.

Ну вот Зосима в «Братьях Карамазовых» — он что, безгрешным был?

Вот и я — людей безгрешных не встречал. А праведников в своей жизни, похоже, видел.

2

Я сам южанин и до своего приезда в Ленинград «северян» не встречал. А он, Костя, не то чтобы «оттого, что он с севера, что ли», — он самый настоящий «северянин» и был. Хотя не бог знает с каких северов — из карельской Вытегры приехал.

© С. А. Кибальник, 2023

Мало того, что он был — особенно смолоду — настоящий блондин. Он и телосложением был особенный. Руки у него длиннее, чем обычно, были. Я ростом его выше, а руки у нас одинаковые. Беломоро-балтийский тип.

Чем он еще на меня был не похож, так это тем, что эти самые руки у него из того места росли. Не то что у меня. Я не знаю, чего он не умел. Электричество починить, рыбу не только ловить, но и коптить, ночью в лесу без фонаря дорогу находить.

И под каждым здесь кустом
Был готов и стол, и дом —

это как будто про него сказано было. Про то, как он в лесу умел обитать.

Развести костер, сварить уху в котелке — это для него было все равно что для меня включить газ и поставить кастрюлю на плиту. Причем помощи он никогда не требовал, заданий не раздавал.

Можешь сам сообразить, как поучаствовать, — давай. Нет? Не беда, он и один справится.

Что такого между нами было общего — вот поди ж ты разбери. «Он молчал невпопад и не в такт подпевал, Он всегда говорил про другое...».

А отличий не то что два, — двадцать два без труда найти можно было...

3

В нашей бродячей аспирантской жизни, когда у него возникали проблемы с жильем или деньгами, он устраивался на работу в какое-нибудь общежитие — электриком или сантехником. Это автоматически означало, что если кому-то из его многочисленных не столь одаренных однокашников-аспирантов негде было переночевать, то проблема разрешалась очень просто.

Аспирантом я в Пушдоме был заочным, но при этом уже в нем и работал. Как человеку приезжому, мне в первом моем качестве полагалось место в аспирантском общежитии, а во втором — не полагалось места нигде, кроме как на работе. А поскольку снять жилье — это тогда тоже было не фунт изюма, то в Костином гостеприимстве я неоднократно мог убедиться на собственном опыте.

Помню, у него была громадная, чуть ли не тридцатиметровая, комната в тогдашней «шестерке» — общежитии ЛГУ на Мытнинской набережной, что сразу за Биржевым мостом. В этой комнате у Кости я даже как-то прожил недели две-три.

От этого общежития самое короткое из возможных расстояний до Пушдома. Ближе к нему я больше в жизни никогда не жил.

За вечерним чаем Костя то и дело повторял вирши его собственного сочинения:

Сергей Акимович Кибальник на Макарова служил¹ —
Институт им очень масса, очень масса дорожил...

«Очень масса» — это было выражение подполковника Гвоздева, с которым я, сам того не желая, регулярно виделся на военной кафедре. А отслуживший в армии Костя этого удовольствия был лишен. Но я как мог его ему возмещал.

Насчет того, что «очень масса» дорожил, это было скорее Костино мифтворчество. Но постоянной ленинградской прописки у меня тогда не было, и меня брали на работу по временной, оформляя каждые два месяца заново.

Так что уволить меня, конечно, было проще, чем держать. И получается, что Костя, хотя и не жалел ради меня красного словца, но преувеличивал не так уж и сильно.

При всех вышеперечисленных Костиных талантах по части учебы и науки у него тоже проблем не было. Да и могло ли быть иначе? Ведь, в отличие от многих из нас, он изучал то, что было знакомо ему не понаслышке.

Диссертацию он писал на тему «Охота и рыболовство в Заонежье». Так ведь он в этом Заонежье сам как рыба в воде был. И конечно, эта его диссертация была не «записки охотника» или там «об ужении рыбы». Он в ней не свои рыбацкие и охотничьи байки рассказывал.

Он потом книжку по этой теме издал с грифом Петрозаводского отделения Академии наук. Так что с методологией и прочими такими причинами у него всё тоже было в порядке...

4

Многое из того, что я из наших совместных с Костей приключений помню, я рассказать не могу. Сочинять не хочу. А за вычетом этого остается, увы, немногое...

Получилось так, что Заонежье я для себя без Кости открыл. После третьего курса поехал туда в диалектологическую экспедицию. Из Петрозаводска мы с одним моим однокурсником-лингвистом приплыли на теплоходе на восточный берег Онежского озера. И там ходили вдвоем по деревням — коллекционировали местную топонимику.

Топонимов мы насобирали много всяких, и самых неожиданных — в основном финских. Ночевали в селах, на хуторах. Помню, если хозяйки дома, которую мы приходили опрашивать, на месте не было, то соседка говорила про нее:

¹ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН находится в Петербурге на набережной Макарова.

— У нее уйдено.

Чтобы люди самые простые вещи выражали столь необычным грамматическим образом — я такого больше нигде не встречал...

Так что поговорить нам с Костей находилось о чем. Он, в свою очередь, кое-что понимал в литературе. Последняя наша с ним на этом свете встреча произошла в Пущдоме, куда он приехал на Ключевскую конференцию (не этнографией единой был жив человек).

И мы многое с ним вспомнили. В том числе и то, как на медовый месяц мы с женой ездили в родные места Кости. Мать его работала в Вытегре в газете. И устроила нам путевку на небольшую базу отдыха на Онежском озере.

Две или три недели мы с женой жили какой-то бунинской или там паустовской жизнью. Целыми днями ездили на лодке по большому озеру, неподалеку соединявшемуся с Онежским.

За это время я научился довольно неплохо грести. И мы передвигались на лодке довольно быстро. Конечно, за исключением тех случаев, когда я забывал поднять якорь.

Чувства, которые я там испытывал, у меня бывают теперь, только когда я попадаю на южный берег Ильменя. Где-нибудь между Старой Руссой и Шимском. Там даже реки такие, что ты будто бы вдруг в Новгородской Руси оказываешься: Шелонь, Мшага...

Несешься на своем железном скакуне — чуть ли не один во всю ширь. Сам не замечаешь, как начинаешь петь. Неведомый сын удивительных вольных племен, понимаешь. Вроде как по холмам задремавшей отчизны. А на деле — по холмам миновавших времен, можно сказать...

5

В последний наш вечер в этих сказочных местах судьба еще и подарила меня чудо-рыбалкой. Я отправился на лодке один, как бы в прощальное плаванье, и когда уже догорал поздний северный закат, привез домой целую гору подлещиков да еще щуку, которую поймал на удочку на живца. Когда выкладывал улов из лодки, понадобился таз.

Правда, теперь свои былые рыбацкие подвиги я вспоминаю без тогдашнего энтузиазма. Кажется, что когда червяка на крючок насаживал, будто бы Христа распинал. И сколько таких червяков я тогда, сам не ведая, что творю, мучительной казни предал.

А что, чем это лучше? На кресте, может, умирать и не так мучительно. Чем на крючке...

Это последнее скорее, наверное, сравнимо с насаживанием на кол. Но в этом я, к счастью, понимаю плохо...

6

Может быть, как северянин, Костя всегда тянулся к людям противоположного месторождения и темперамента. А может, как все, отдающие себя людям, он инстинктивно сближался с теми, кто сильно отличался от него самого и нуждался в его помощи. Так что в жены себе он тоже взял южанку.

Хотя встретил он ее в Ленинграде, но приехала она с Карпат. Помните: «А где твой дом, гуцулочка?» — «Карпаты» — неслось из громкоговорителей нашей юности...

Только никакой гуцулочкой она не была. Но живой и задорной южанкой была точно.

Ее звонкий зов: «Костя» — как будто не с одним, а с двумя ударениями на первом слоге — целый день раздавался то здесь, то там, когда я имел возможность наблюдать их вместе.

В общем, это было то, что ему нужно. Недаром ей так никогда и не пришлось в голову — даже и потом, после его такого неожиданного ухода — из карельских лесов, куда привез ее Костя, водвориться обратно, к своим «теням забытых предков».

Правда, и город Петрозаводск, где они жили, в России, по-моему, один из самых благословенных. Так что, когда после окончания аспирантуры Костя уехал к себе на Север, это меня не удивило.

А вот когда несколько лет назад я узнал из соцсетей, что число жертв пандемии в Петрозаводске увеличилось еще на одного, причем далеко не последнего человека в городе, удивило.

Как же так? Ведь силён и здоров он был. Илью Муромца в пору вспомнить.

Правда, ведь и у Ильи Муромца, по новейшим исследованиям, то ли полиомелит, то ли спондилоартроз был. Недаром же он тридцать лет и три года на печи пролежал. Столько, сколько Костя, наверное, должен был еще прожить. Да вот только не прожил.

Медсестры в больнице, в которой мой товарищ закончил свою жизнь, рассказывали, что, попав в нее, он вначале помогал им принимать поступавших пациентов.

Кто знает, может быть, при этом как раз и произошла его окончательная «коронация». Во всяком случае, после этого он слег и больше уже ни на что не реагировал...

Никогда до конца не мог понять Иоанна: «Аще пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода».

Зачем же умирать-то для этого? Вот ведь человек хороший пока жив — сколько от него добра всем. А умрет — и чем он кому поможет?

Но, может, не зря так сказано? Разве ж замечаем мы это добро, пока жив он, человек этот? Так и чтобы праведника в ближнем среди нас разглядеть, надо, видно, чтобы он не на земле был уже, — от всего грешного как бы уже освободился.

А то, может, и пуще того — чтобы качнулось село или город, и пришлось бы всем бежать на подмогу. И с покачнувшегося края всем вместе наваливаться.

То ли привыкли мы очень, что всё само собой стоит, то ли кажется нам, что всё по-прежнему.

Впрочем, может, это уже и не так. Ведь людей, на которых всё как-то держалось, только кажется, что меньше не становится.

А без них народ точно неполный. И взять их особо неоткуда. Коли перестанет родить земля — значит, пиши пропало.

Вот почему мне вдруг захотелось написать про этот редкий и, увы, исчезающий на наших глазах тип.

Одного из представителей которого мне, как я только теперь понимаю, посчастливилось встретить в моей жизни...